

сяткахъ страницъ «Войны и мира», гр. Толстой подвергаетъ историческій процессъ, отвлеченно взятый, анализу со стороны только его формы и механизма,—что производитъ движеніе человѣчества и какъ оно происходитъ,—совершенно игнорируя вопросъ о смыслѣ историческаго движенія со стороны его внутренняго содержанія и результатовъ для того блага, къ которому стремится человѣкъ. Однимъ словомъ, тутъ гр. Толстой не сѣумѣлъ сочетать требованія реализма и идеализма, и историческій процессъ является для него поэтому процессомъ безъ смысла. Онъ признаетъ одинъ социальный инстинктъ въ его стихійной, «роевой» формѣ непосредственной любви къ семьѣ, къ приснымъ, къ родинѣ, пожалуй, и вообще къ брату по человѣчеству; но гражданское самосознаніе, всѣ виды общественной дѣятельности, идея общаго блага, прогрессъ или регрессъ въ измѣненіи социальныхъ формъ,—все это для него что-то непонятное и, какъ таковое, стоящее внѣ «настоящей» жизни съ ея «существенными интересами здоровья, болѣзни, труда, отдыха, съ ея интересами мысли, науки, поэзіи, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей» (III, 1).

Мы позволимъ себѣ на основаніи всего сказаннаго формулировать такой общій приговоръ объ исторической философіи «Войны и мира»: насколько ея достоинство заключается въ общей реалистической концепціи, настолько социальный индифферентизмъ, очень послѣдовательно проведенный, составляетъ рѣшительно слабую сторону этой философіи. Его философія, вообще, есть философія нравственнаго обновленія личности въ сферѣ непосредственныхъ отношеній къ людямъ и чисто индивидуальнаго бытія, и здѣсь только проявляется присущій ему идеализмъ; но область общественныхъ формъ,